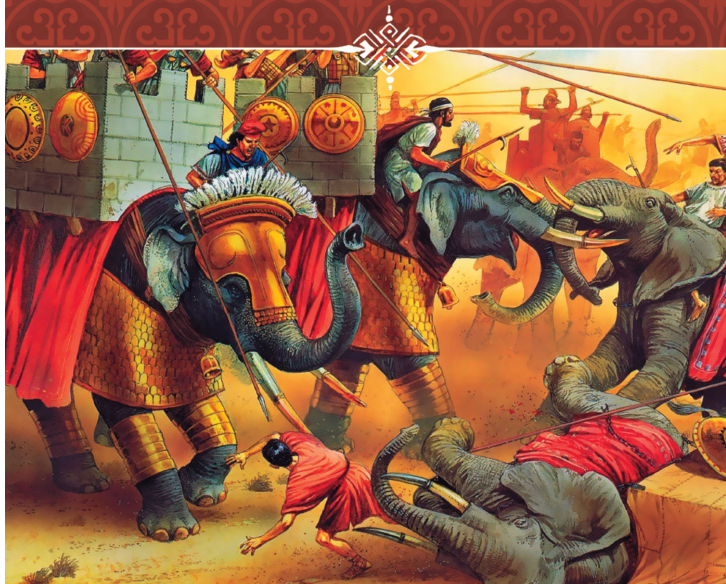

Александр
ВОЛКОВ

КАРФАГЕН

«БЕЛАЯ» ИМПЕРИЯ «ЧЕРНОЙ» АФРИКИ

**АРГУМЕНТЫ
И ФАКТЫ**

Александр Викторович Волков
Карфаген. «Белая»
империя «черной» Африки
Серия «Великие тайны истории»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44515690

*Карфаген. «Белая» империя «черной» Африки / Александр Волков: Вече;
Москва; 2012*

ISBN 978-5-4484-7971-7

Аннотация

Столица великой державы финикийских мореплавателей Карфаген в непримиримом и многовековом противостоянии не менее великому сопернику Риму был повержен и беспощадно уничтожен. Античные источники говорят о Карфагене скупой и предвзято, изображая его мрачным средоточием кровавого культа Молоха. Но археологические исследования все более убеждают ученых в том, что это не соответствует действительности, которая была искажена, как это нередко происходит, во время жестокого военного противостояния. Сейчас историческая справедливость восстанавливается, и в книге исследователя древних культур Средиземноморья, писателя и журналиста Александра Викторовича Волкова гордый оплот урбанистической

культуры Северной Африки предстает во всем величии и блеске своей нелегкой и трагической судьбы.

Содержание

Откровение Аппиана	6
Добро пожаловать в Карфаген!	8
«До основания, а затем...»	8
Путешествие в Тунис	11
Темные века Карфагена	17
Первые следы поселений	17
В ожидании Годия	19
Конская голова – всему начало	25
Разграничение вод	33
Штурмом и родные города берутся	40
Время командовать наемниками	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

**Александр
Викторович Волков
Карфаген. «Белая»
империя «черной» Африки**

© Волков А.В., 2012

© Оформление. ООО «Издательский дом „Вече“»,
2012

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия,
2019

Откровение Аппиана

И настала беда. И двинулся на город огонь. Он перелетал с этажа на этаж, и сильный зной жег людей, прятавшихся под крышами. Кто проклинал богов, кто – врагов, но их голоса гасли, когда новое здание, выжженное дотла, падало, перегородившая улицу и побивая бежавших. Раненые еще кричали из-под камней, но к ним никто не шел.

На крышах других домов всюду кипел бой. Летали копья, стрелы и камни. Один за другим вниз соскальзывали люди. Многие, упав и перебив себе кости, пытались отползти в сторону, но в их телах не было силы. Тогда в проеме улицы показывались всадники. Мечом они умерщвляли бегущих, а кони ударами копыт разбивали лица и черепа раненых.

И выходили из своих укрытий сборщики камней. У них были топоры и крючья. Словно бесовские духи, они наклонялись над лежавшими при смерти людьми, вонзали в них железо и волокли в яму. Люди, точно мусор, заполняли рвы. Мертвый лежал на живом, а живой, покрытый отвратительными гнойными ранами, испускал последнее дыхание.

Радостно гудели трубы, насылая великий страх. Громко кричали центурионы, сзывая оставших: взойдите сюда. Быстро передвигались войска, уверенные в победе. Всеми владели безумие и свирепость. И каждый – победитель и побежденный – пребывал в равнодушии: второе горе прошло;

вот идет скоро третье горе.

Так погиб Карфаген.

Добро пожаловать в Карфаген!

«До основанья, а затем...»

Туристы, приезжающие в Тунис полюбоваться руинами Карфагена, напрасно ищут следы пунического величия («пунами» жителей Карфагена называли римляне). Увидеть монументальные памятники, описанные в романе Гюстава Флобера «Саламбо», не удастся никому. Римляне уничтожили дотла Карфаген – один из величайших культурных центров своего времени. Развалины Карфагена, открывающиеся взорам туристов, – это развалины римского времени.

Лишь отдельные памятники возвращают нас в Древний Карфаген: например, тофет (кладбище. – *А.В.*), где, по легенде, еще в раннем возрасте могла окончиться жизнь великого полководца Ганнибала. Здесь, в дни народных бед, знатные карфагеняне приносили в жертву богам своих первенцев. Их сжигали, чтобы отвести от себя беду.

Пара бассейнов, заполненных водой, мало чем напоминает секретную гавань, где могли скрываться до двух сотен боевых кораблей. Даже сами очертания пунической столицы, защищенной когда-то мощными рядами стен, теперь угадываются с трудом.

«Проблема топографии Карфагена почти столь же стара,

как и изучение его истории», – писал известный российский историк Ю.Б. Циркин. Римляне разрушили Карфаген до основания, а затем построили на его месте новый город, который не имел ничего общего с пунической столицей. Впоследствии был разрушен и он. Когда археологи пытаются теперь добраться до пунических слоев, они мало что находят. Они ликут, извлекая любой кирпич, положенный карфагенянами. Поистине римские солдаты постарались не оставить камня на камне от захваченной твердыни.

«Созерцание остатков Карфагена, как бы дважды трагически исчезнувшего с лица земли, в своем пуническом и в своем римском облике, вызывает чувство невольного разочарования», – признавалась советский искусствовед Т.П. Каптерева.

По словам Ж. Фрадье, руководившего проектом ЮНЕСКО «Тунис – Карфаген», «даже и теперь путешественник, бродя вдоль берега, не размытого еще морем, или по частично обезображенным холмам, среди пригородных вилл, окруженных крошечными садиками, сталкивается с руинами древнего Карфагена. То здесь, то там высятся колонны, устремленные к небу, сквозь траву проглядывает мрамор и мозаика; поверженные здания, кажется, пробиваются вверх сквозь песок и камень: их стены, едва видные из-под земли, смутно напоминают о когда-то правильной планировке древнего города». Сам город исчез. Его не существует. От него остались лишь обломки, лишь карты на страницах справоч-

ников и исторических книг.

В течение семи веков город непрестанно обустроивался, богател, становился все красивее и величественнее. Потом был уничтожен дотла. Воскрес, восстановился. Потом был уничтожен дотла. Умер, исчез.

Для туристов в современном Карфагене наиболее интересен Археологический парк терм Антонина Пия, расположенный между береговой линией и дорогой на Сиди-бу-Саид. Помимо самих терм, построенных между 146 и 162 годами нашей эры, – самых больших терм Римской империи, не считая терм Траяна в Риме, – этот парк включает пунические гробницы VI–V веков до нашей эры и гончарные мастерские II века до нашей эры. Впрочем, все это сохранилось лишь в фрагментарном виде. Так, от терм уцелели лишь стены нижнего этажа, отдельные колонны из египетского гранита и несколько массивных сидений из белого мрамора. Термы, как и другие строения римской эпохи, были разрушены после вторжения вандалов.

На территории Археологического парка можно увидеть также скульптурные фрагменты, найденные при раскопках терм, мозаики, пунические сосуды, статуэтки, обнаруженные на территории лагеря легионеров в Аммэдаре, и надгробные стелы с новопуническими надписями, установленные в позднюю римскую эпоху, когда в Африке началась мода на все карфагенское.

Путешествие в Тунис

К северо-востоку от современной столицы Туниса расположен полуостров, напоминающий своей формой наконечник стрелы. В древности он далеко вдавался в море. На его восточной оконечности вздымается гряда холмов; южнее расположены две большие лагуны. Перед ним расстилается глубокий закрытый залив Средиземного моря.

Почти три тысячи лет назад на этом клочке суши, омываемом с трех сторон водой, поселились финикийцы. Здесь они основали город. Ему дали имя – Карфаген. Лишь перешеек шириной около 4 километров соединял тогда Карфаген с материком. В самой узкой части перешейка был прорыт ров. К северо-западу от Карфагена, на берегу моря, некогда лежал другой древний город – Утика.

Северные районы Туниса напоминают пейзажи Южной Европы. В то же время местный ландшафт вполне заслуживает название типичного «финикийского»: пологий берег моря; хорошо защищенные бухты, которые легко можно было перегородить; плодородные окрестности, способные прокормить обитателей торговых факторий, основанных здесь три тысячи лет назад.

Первые жители Карфагена высадились в районе будущего порта. Здесь, на пологом берегу, было удобно вытаскивать корабли на сушу. Само поселение было основано на холме

Бирсы, в некотором отдалении от берега.

Холмистая местность, окружающая Карфаген, постепенно переходит в равнину, лежащую на высоте 15–20 метров над уровнем моря. На этой равнине расположены пригороды столицы Туниса. В стране почти нет гор; лишь граница с Алжиром проходит по лесистым отрогам Атласских гор. Вообще же районы с высотой от 400 до 1000 метров над уровнем моря занимают менее трети территории страны. Остальные две трети – это степные и пустынные равнины, лежащие почти на уровне моря. Однообразие равнинного рельефа нарушается лишь невысокими холмами и котловинами, иногда затопляемыми водой.

Страна открыта морским ветрам. Засушливым летом они смягчают жару; осенью и зимой приносят дожди. Порой случаются ливни, но тогда вода, вместо того чтобы проникнуть глубоко в почву, стекает без пользы в сухие русла, которые впадают в котловины и разливаются, образуя временные озера.

Главной водной артерией Туниса считается река Меджерда; ее длина – 460 километров. Летом она стремительно мелеет, превращаясь в ручей. Если в период зимних дождей река несет до 200 кубических метров воды в секунду, то летом – всего 3–4. Для питья и орошения полей используются колодцы, обычные и артезианские.

Северную часть Туниса бедуины называют «Фригией». В этом слове угадываются «Ифрикийя» арабов и «Африка»

римлян. Осадки здесь обильнее, чем в других районах Туниса. Сейчас выпадает от 400 до 600 миллиметров осадков в год. Сезон дождей составляет 80 дней в году, но в античную эпоху климат был, возможно, более влажным.

В древности в окрестностях Карфагена росли великолепные леса пробкового и алжирского дуба с подлеском из вереска, лавров и миртов. Остатки их можно увидеть и теперь. На северо-востоке тунисского побережья, в том числе близ Карфагена, можно встретить заросли туи и кустарниковых дубов. На холмах и равнинах иногда произрастают дикие оливковые и мастиковые деревья. В основном же равнины покрыты полями пшеницы и бобовых, виноградниками и плодовыми садами. По отзывам античных историков, римляне, высадившиеся в Африке, были поражены красотой карфагенских садов.

На местных пастбищах разводят крупный рогатый скот, ослов, коз и овец. Еще и сегодня в Тунисе пасутся отары овец с тучными курдюками; карфагеняне тоже разводили таких овец. Обширные участки пастбищ поросли полевой полынью и альфой – африканским ковылем. Гибкие стебли альфы местные жители используют для плетения различных изделий.

В античную эпоху северное побережье Туниса отличалось разнообразной фауной. Здесь водились гиены, шакалы, львы, а также обезьяны, жирафы, гиппопотамы, слоны и страусы. В то время слоны встречались не только к югу от

Сахары, но и к северу от нее – в степях южнее Атласских гор.

Вдоль ливийских дорог нередко можно было увидеть кресты, на которых крестьяне распинали пойманных львов. В романе Флобера «Саламбо» описан этот древний обычай: «Дальше появился внезапно целый ряд крестов с распятыми львами. Некоторые околели так давно, что на крестах висели только остатки их скелетов. Другие, наполовину обглоданные, искривили пасть в страшной гримасе. Среди них были громадные львы. Крестыгнулись под их тяжестью, и они качались на ветру, в то время как над их головой неустанно кружили стаи воронов. Так мстили карфагенские крестьяне, захватив какого-нибудь хищного зверя» (пер. Н. Минского).

На землях Карфагена водилось также много мелкой живности и птиц. На античных стелах, найденных в Римской Африке, встречаются изображения зайцев, куропаток, перепелов и куликов. Сейчас туристы, прибывающие в Тунис, могут рассчитывать на встречи с верблюдами, тушканчиками, ушастыми лисичками (фенеками), фламинго.

Центральную часть Туниса занимают степи. Во внутренних районах страны наблюдаются заметные колебания температуры. Так, в Гафсе, лежащей на окраине Сахары, где летом жара достигает 50 градусов, зимой бывают заморозки и кратковременный снег. Ближе к морю климат умереннее.

В степных районах Туниса деревья сравнительно редки. На возвышенностях сохранились леса из алеппской сосны и дуба и заросли можжевельника. Сотни тысяч гектаров пес-

чаной степи поросло альфой. На песчано-глинистых почвах альфа уступает место орешной траве и белой полыни. Южнее Кайруана появляются полевая полынь и дрок. Кое-где встречаются плантации кактуса опунция, вывезенного из Америки в XVI веке. Этот кактус почти лишен колючек; его выращивают на корм верблюдам. Засоленные участки почвы (шотты) поросли солянкой.

Приморская степь к югу от залива Хаммаммет называется Сахелем. Здесь преобладают невысокие холмы, разделенные оврагами, которые прорыты потоками дождевой воды. В среднем здесь выпадает до 400 миллиметров осадков в год. Этого достаточно для того, чтобы выращивать оливковые деревья и зерновые культуры – пшеницу или ячмень. Соседство моря смягчает температуру. Так, в Сусе годовая амплитуда температурных колебаний составляет 15 градусов.

На юге Туниса степь постепенно переходит в пустыню. Количество осадков сокращается до ста и менее миллиметров в год. Вода в немногочисленных уэдах испаряется раньше, чем успеваешь добраться до моря или какой-нибудь впадины. Естественная растительность представлена различными видами солянок. В оазисах, расположенных возле артезианских источников, можно встретить финиковые пальмы, плодовые деревья и овощные культуры. Площади крупнейших оазисов достигают почти тысячи гектаров.

Прибрежные воды Туниса богаты рыбой. Она составляла немалую часть рациона карфагенян. Главными объекта-

ми промысла были тунцы, угри, сардины, анчоусы. Тунцов добывали близ острова Джерба, а также у берегов Сардинии и юго-восточного побережья Иберии (Испании). Ловлей мурекса – моллюска, из железистых выделений которого приготавливали пурпур, – карфагеняне занимались в районе острова Джерба, на западном побережье Марокко и вдоль всего алжирского побережья.

Зато полезных ископаемых в Карфагене почти не было; разве что в окрестных карьерах добывали глину, строительный камень и мрамор. В районе Тугги (Дугги) и в местностях, примыкавших к Карфагену и Утике, встречались медь и железо. Во внутренних районах страны, писал греческий натурфилософ Теофраст, добывали драгоценные камни красного цвета (рубины, гранаты или гиацинты). Греки платили по сорок золотых за самые мелкие из этих камней. Впрочем, многие из них сами карфагеняне, возможно, покупали у соседних народов.

Темные века Карфагена

Первые следы поселений

История древнейшего Туниса открывается по крупицам – по случайным находкам. В приморских районах на юге страны иногда встречаются предметы, относящиеся к доисторической эпохе: например, кремневые топоры или страусовые яйца, покрытые рисунками. На мысе Бон при раскопках поселения эпохи неолита найдены ручные мельницы. Неподалеку, в местечке Джебель эль-Калаа, обнаружены стены, сложенные из массивных плит. Когда-то эти стены, протянувшиеся на 400 метров, ограждали неолитическое поселение.

Позднее здесь появились берберы. В южных, степных районах Туниса они пасли скот; в северных – занимались земледелием.

Финикийцы поселились на побережье Северной Африки в XII веке до нашей эры, в эпоху переселения «народов моря». Самые известные из древнейших колоний – Утика и Хадрумет. В это же время финикийцы основали крепости Гадес и Ликс на берегах Гибралтарского пролива.

В районе Карфагена обнаружена керамика работы мастеров из Финикии и Кипра, датируемая примерно XII веком до нашей эры. В XI – X веках здесь находилось небольшое

финикийское поселение. Возможно, оно называлось Бирса. Позднее это название получил карфагенский акрополь.

По легенде, пересказанной греческим географом Евдоксом Книдским, основателями этой фактории и ее первыми правителями считались Зор и Кархедон. Современные историки скептически относятся к этому рассказу, ведь имена отцов-основателей представляют собой не что иное, как... финикийские названия городов Тир и Карфаген.

Археологи, впрочем, не обнаружили на территории Карфагена каких-либо памятников старше конца VIII века до нашей эры. По мнению немецкого историка Х.Г. Нимайера, автора книги «Ранний Карфаген и финикийская экспансия в Средиземноморье», отсутствие древнейших следов поселения объясняется масштабными строительными работами, проводившимися в V веке до нашей эры, что привело к уничтожению ранних археологических слоев.

Однако даже легендарные Зор и Кархедон не были первооткрывателями здешних бухт. По сообщению итальянского археолога С. Маццарино, «на месте Утики и Карфагена существовали задолго до их основания эгейские поселения».

В ожидании Годия

Карфагенская держава – одно из крупнейших государств древности. Ее влияние на историю Средиземноморья было куда более весомым, чем можно судить по книгам, посвященным античной эпохе, ведь внимание их авторов неизменно сосредоточено на судьбах Древней Греции и Рима. На протяжении нескольких веков Карфаген оставался самой могущественной державой в Западном Средиземноморье. Он принадлежал к числу тех немногих античных городов-государств, которым удалось подчинить себе огромную территорию.

В то же время история Карфагена известна нам чрезвычайно плохо. Мы можем судить о ней лишь по отзывам враждебных карфагенянам народов. У нас не сохранилось письменных источников, оставленных самими жителями города. Война не только стерла с лица земли один из крупнейших городов Средиземноморья, но и превратила в пепел и прах всю его письменную историю. Город стал легендой, призрачной тенью, отблеском накопленных и расточенных богатств. Город стал именем, и имя заменило ему историю.

«Карфагеняне, – писал Плутарх, греческий друг римских цезарей, – народ суровый и мрачный, трусливый в пору бедствий, жестокий в пору побед. Они упорно держатся своих взглядов, строги к самим себе и не знают радостей жизни».

В древнеримских анналах карфагенян описывают как жестоких и коварных врагов, не знающих пощады к побежденным.

Если бы мы не знали, что эти клише содержат лишь отдельные зерна истины, нам пришлось бы уверовать, что жители Карфагена, хоть и сидели на денежных мешках, были спартанцами по духу и, скорее, напоминали автоматы, управляемые одной овладевшей ими идеей, нежели живых людей. В общем, карфагеняне, как описывал их греческий историк, кажутся людьми совершенно чуждыми средиземноморской культуре. Однако в правдивости описания Плутарха следует сомневаться. Ни один народ не выглядит так, как его стремятся видеть заклятые враги. И все же в историю карфагеняне вошли именно такими.

Их заклеямили и ошельмовали римляне. Все ненавистное римлянам, все, что они осуждали, все, чего боялись, – всеми этими качествами они наделяли в избытке карфагенян. И если римские писатели, – особенно историки, – пользовались черной краской, то всегда у них был соблазн раскрасить этой краской гордый, надменный город, побежденный Римом с таким трудом.

Теперь само имя «Карфаген» оведают мрачные легенды. Оно пробуждает в памяти неприятные ассоциации: коварство и жестокость, предательство и трусость, скупость и лень, роскошь и смерть. Кажется, все демоны греко-римского мира нашли пристанище в городе на другом берегу Средиземного моря, в городе, который на всех морских берегах

соперничал и с римлянами, и с греками, бросал им вызов, побеждал, но, в конце концов, был сокрушен. И ничего не осталось на его пепелище, лишь злая память, проклятья и соль – соль, которой римские солдаты засеяли саму землю Карфагена, чтобы она никогда не приносила плодов, чтобы никто не мог здесь жить. Выходы здесь дала одна клевета.

За два века завоеваний, превративших Римскую республику в крупнейшую империю древности, римляне не обходились ни с одним врагом так беспощадно, как с народом Карфагена. Под защитой Рима вновь расцвели Греция, Сирия, Египет, Иберия. Лишь карфагенская земля осталась мертва. Казалось, удары солдатских сандалий втоптали в камень и песок сам дух великого вольного города, веками не знавшего царей.

Здесь сама память – чистый лист. Рукописи карфагенских библиотек сожжены или переданы нумидийским правителям, а потом тоже утрачены. Все погибло. Можно лишь позавидовать римскому историку Саллюстию, который сообщает, что из пунических книг – сколько он видел их? – ему перевели рассказы о том, «какие люди жили в Африке вначале, какие переселились туда впоследствии и как они смешались между собой» (пер. В.О. Горенштейна). Саллюстий выслушал и подробную историю основания Карфагена, но в своем сочинении предпочел о ней «умолчать, чем говорить мало», навсегда оставив в неведении нас.

Карфагенские тексты, дошедшие до нас, чрезвычайно

скудны и однообразны. В основном это – посвятительные надписи. Единственное, что мы знаем, что некий карфагенянин по имени Харон написал книги о тиранах, о знаменитых мужах и женщинах. Из этих книг не сохранилось ни строки.

Мы знаем также, что карфагеняне были авторами некоторых философических систем, обогативших античную философию. Карфаген жил напряженной духовной жизнью, что привлекало к нему внимание греков. По некоторым предположениям, в Карфагене существовала пифагорейская школа. Сохранились имена некоторых карфагенских философов – Мильтиада, Антена, Годия и Леокрита. Судя по именам, это были греки, поселившиеся в Карфагене. Однако можно лишь догадываться о том, когда они жили. Отыщутся ли когда-нибудь папирусы с их сочинениями, как находятся, например, папирусы с пьесами Менандра в египетских песках?

Благодаря Диогену Лаэртскому, биографу античных философов, нам известно также имя карфагенянина Гасдрубала, жившего во II веке до нашей эры. У себя на родине он занимался философией, а в сорок лет (по другим источникам, в 24 или 28 лет) переехал в Афины, где был прозван Клитомахом. По-видимому, он получил афинское гражданство и даже был избран афинянами в совет. «Усердие его дошло до того, что он написал свыше 400 книг... Во всех трех школах, академической, перипатетической и стоической, он был самым приметным человеком» (пер. М.Л. Гаспарова), – сообщал о нем Диоген. Однако мы практически не знаем даже

названий написанных им книг. Что говорить о карфагенских авторах, не покидавших родного города?

Возможно, наиболее объективное сочинение, повествующее о Карфагене, – «Политика» Аристотеля. Для него государственный строй Карфагена был едва ли не идеальным. Если в греческих полисах непрестанно возникали конфликты, то в Карфагене, казалось бы, сами предпосылки их были ликвидированы.

Большинство историков, оставивших свидетельства о Карфагене, жили уже после гибели этого города. Лишь Полибий застал последние годы его существования. Рассказы же современников о процветании Карфагена не сохранились. Между тем Карфаген в канун Пунических войн, очевидно, производил на многие соседние народы такое же впечатление, как Константинополь в Средние века – на варваров, приезжавших из Западной Европы. Величайшая, неестественная роскошь встречала чужеземцев, смущала их, будила в них зависть и ненависть.

Город древний стоял – в нем из Тира выходцы жили,
Звался он Карфаген – вдалеке от Тибрского устья,
Против Италии; был он богат и в битвах бесстрашен

(Пер. С.А. Ошерова.)

Так начал свой рассказ о Карфагене римский поэт Вергилий.

Положение Карфагена – по-финикийски «Карт-Хада-

шта», то есть «Нового города», – было исключительно выгодным. Он находился в самом узком месте Средиземного моря, в непосредственной близости от Сицилии. Это был лучший порт в западной части Средиземного моря. По словам советских географов И.П. и В.И. Магидовичей, финикийцы настолько удачно выбирали места для будущих поселений, «что многие из них впоследствии превратились в большие портовые города». С чего же начиналась его история?

Конская голова – всему начало

В 825 (или 823) году до нашей эры, почти за полвека до основания Рима, к берегу Тунисского залива подошли корабли, приплывшие из финикийского города Тира. Они привезли колонистов. Их возглавляла Элисса, старшая сестра тирского царя Пигмалиона.

В то время, после смерти Мутона, царя Тира, власть наследовали его взрослая дочь Элисса и малолетний сын Пигмалион (Пумийатон). Тирская знать раскололась. Часть ее поддерживала юного царя. Другие объединились вокруг Ахерба, первосвященника бога Мелькарта. Он был женат на Элиссе и считался вторым лицом в городе после царя.

Когда Пигмалион подрос, то приказал убить мужа сестры, который фактически правил городом. Тогда, видя, что сила на стороне Пигмалиона, его сестра задумала бежать из Тира, сговорившись с некоторыми видными людьми. Ждать было нечего. Каждый приказ царя мог означать смерть. Однажды ночью от берегов Тира отплыл флот; он увозил самых знатных жителей города.

После долгого плавания, пополнив свои ряды жителями Кипра, где флот сделал остановку, Элисса и верные ей люди прибыли в Северную Африку – туда, где они собирались начать новую жизнь и основать новый город.

Корабли пристали к берегу Тунисского залива; там нахо-

дилась финикийская фактория Бирса. В подобных поселениях мореходы из Финикии отдыхали, запасались пресной водой и торговали с местными жителями. Неподалеку располагалась еще одна тирская колония – Утика. Ее жители даже присылали к Элиссе послов с дарами, желая почтить родственников по крови.

В окрестностях Утики и Бирсы жили ливийские племена; одни из них были кочевыми, другие – максии, или макситане, – занимались хлебопашеством. Предводители племен считались «царями».

Возможно, беглецы из Тира хотели поселиться в финикийской фактории, но в ней уже не было места для вновь прибывших. Тогда они купили землю у ливийцев или, как предполагают некоторые исследователи, просто заняли землю вокруг фактории, а чтобы ливийцы не беспокоили их своими набегами, согласились выплачивать им ежегодную дань. Это событие легло в основу следующей легенды.

Элисса обратилась с просьбой к ливийскому царю Гиарбу. «Мои спутники утомлены долгим плаванием; им надо собраться с силами, прежде чем отправиться в путь», – сказала она. Чтобы было, где отдохнуть, она готова была купить «столько земли, сколько может охватить бычья шкура» (Аппиан). Царь удивился. Как будто эти приезжие не знали, что на шкуре быка даже им самим не уместиться – не то что построить поселение! Однако он ошибался. Элисса перехитрила его. Ночью она приказала разрезать шкуру на мелкие

полоски. Растянув их на холме, финикийцы очертили место для крепости. Наутро изумленный ливийский царь вынужден был отдать Элиссе всю эту территорию.

Холм возвышался над окружающей местностью, представлял собой естественное укрепление. Здесь, на холме, колонисты нашли конскую голову; это считалось счастливым знаменем. Много веков спустя на карфагенских монетах часто изображался конь – символ могущества Карфагена. Подобные золотые монеты можно увидеть в Тунисе, в музее Бардо.

Царица Элисса, спасшись от расправы в Тире, не была счастлива и в «Новом городе». Через несколько лет она покончила с собой. По легенде, переданной римским историком Юстином, царь Гиарб влюбился в Элиссу и потребовал ее руки. В случае отказа царицы он грозил чужакам войной. У колонистов же не было ни армии, ни флота. Элисса попросила у царя небольшой отсрочки. Она велела развести перед воротами города огромный костер и принесла жертвы духам предков, а затем бросилась в огонь сама. Вплоть до падения Карфагена на месте гибели царицы ей возносили почести как богине.

По-видимому, Элиссу почитали под именем богини Таннит, очень популярной в Карфагене. Впоследствии Вергилий связал смерть Элиссы (или, как ее называли еще, Дидоны) с историей ее неразделенной любви к троянцу Энею. По мнению известного французского историка Жильбера-Шар-

ля Пикара, смерть Элиссы была ритуальным жертвоприношением, призванным оградить колонистов от посягательств ливийских племен. В истории Карфагена известны и другие случаи самосожжений.

На кого же царица оставила свой город? По словам Юстина, рядом с Элиссой были «принцепсы». Это отвечало давней восточной традиции, по которой при царе существовал совет аристократов. Так было, например, в Тире. Аристократы ограничивали власть царя, мешали ей выродиться в деспотию. У Элиссы не было наследников, и после ее смерти городом стали править «принцепсы» – самые знатные люди.

Известно, что античные авторы называют еще одну дату основания Карфагена – 814/813 год до нашей эры, хотя сравнительные исторические исследования опровергают ее. По предположению советского историка И.Ш. Шифмана, в это время в Карфагене, вероятно, произошло какое-то важное событие, после которого историю города начали отсчитывать заново. Возможно, в тот год в Карфагене упразднили царскую власть, и городом стали править несколько знатных семейств. Так была основана Карфагенская республика – республика олигархов.

Немецкий историк Вальтер Амелинг подытоживает становление Карфагена: «В начале [в Карфагене] существовала династическая монархия, созданная по финикийскому образцу. Подобно финикийскому царю, карфаганский монарх также обладал сакральной и военной властью, а кроме того,

занимался судопроизводством и пользовался широкими политическими полномочиями. Позднее... монархия в ее чистом виде перестала существовать в Карфагене; воцарилась аристократия. Подобная тенденция уже намечалась в финикийском обществе».

Бурные события первых лет Карфагена с самого начала определили своеобразие его истории, его особое положение в финикийском мире. Город был основан противниками тирского царя, а потому не вошел в состав Тирской державы и стал независимым городом-государством, напоминавшим греческий полис. Жители Карфагена признавали лишь авторитет первосвященника храма Мелькарта и ежегодно посылали в тирский храм дары, подобно жителям католических стран Европы, почитавшим авторитет римского первосвященника.

Два финикийских города – Тир и Карфаген – скрепляли религиозные, а не политические узы. Еще во II веке до нашей эры, незадолго до гибели Карфагена, его жители отправляли на свою историческую родину дары по случаю праздника Мелькарта, центрального божества Тира.

Современные историки склоняются к мнению, что Карфаген изначально был основан не как торговая, а как аграрная колония. Для поселения не случайно было выбрано место, окруженное плодородными полями. Торговали же жители Карфагена в основном с Тиром. В древнейших некрополях Карфагена находят финикийские амулеты, маски, ке-

рамику. Возможно, некоторые из этих предметов были изготовлены ремесленниками, переселившимися в Карфаген.

Поначалу Карфаген находился в тени других финикийских колоний. Особенно сложно складывались отношения с ливийцами. Большинство их занималось хлебопашеством, считают современные историки. Земля принадлежала отдельным кланам; частной собственности на землю не было. У ливийцев не сложилось единого государства, которое объединило бы разрозненные племена, населявшие страну. В сообщениях античных авторов говорится о сотнях городов в карфагенской Африке; очевидно, под «городами» имеются в виду отдельные поселения и просто участки земли, занятые ливийцами. В то же время немалую часть населения Ливии составляли кочевые племена. Карфагеняне, поселившись на берегу Африки, вынуждены были считаться с угрозой вторжения кочевников. Любое их поселение в Африке напоминало крепость. Главой подобного кочевого клана был легендарный царь Гиарб, который сватался к Элиссе.

В течение ряда веков карфагеняне платили кочевникам дань, чтобы избежать разорительных набегов, от которых страдал не сам город, а кормившие его поля. Отдельные знатные карфагеняне, собрав вокруг себя дружину, совершали ответные набеги на территории, населенные ливийцами. Земля и трофеи, завоеванные во время подобных экспедиций, становились основой власти и богатства победителей. Так, в Карфагене складывается своя военная аристокра-

тия. Карфагеняне вынуждены были постоянно принуждать к подчинению ливийские племена, и современные исследователи порой сравнивают их с такой военизированной державой, как Спарта, вынужденной держать в подчинении илотов. Когда в V веке до нашей эры Карфаген укреп, его армия первым делом окончательно покорила ливийцев.

Впрочем, карфагеняне так и не научились ладить с покоренными племенами; те постоянно готовы были поднять мятеж против своих угнетателей. Немецкий историк Вильгельм Хофман писал: «Неспособность карфагенян интегрировать туземцев в состав своего государства стала для них тяжким бременем».

Со временем Карфаген стал наиболее важной финикийской колонией. Город развернул торговлю с крупнейшими регионами Средиземноморья: с Египтом, Грецией, Италией (прежде всего, с этрусскими городами), а также с Сицилией и Сардинией. В то же время в Карфаген стекалось многочисленное население из других средиземноморских стран – особенно из Греции и Этрурии.

Теперь власть Карфагена простиралась далеко за пределы Бирсы. Его жители захватывали и присоединяли к карфагенским владениям берега Африки, населенные дикими племенами. В VII веке до нашей эры карфагеняне, пишет Полибий, «владели всеми частями Ливии, обращенными к Внутреннему морю, от жертвенников Филена, что у большого Сиртиса, до Геркулесовых Столпов (Гибралтара. – *А.В.*)» Уже к концу

VII века до нашей эры карфагенские колонии появились на атлантическом побережье Марокко. Они обнаружены близ современных городов Ларош и Могадор. Кроме побережья Северной Африки, карфагеняне со временем овладели Испанией, Сицилией, Сардинией, Корсикой и еще некоторыми островами Средиземного моря.

Разграничение вод

По всему Средиземному морю, начиная с VIII века до нашей эры, мчались греческие корабли, увозя на чужбину колонистов. Вдалеке от родных полисов они искали богатства, приволья и процветания. Они мечтали о сказочных украшениях, изысканных одеждах, редкостных винах, красивых женщинах – обо всем том, что не досталось бы им на родине.

Перенимая секреты финикийцев (жителей такой же небольшой, как Эллада, страны на берегу Средиземного моря), греки совершали дальние плавания, занимались морской торговлей, грабили чужие корабли и приморские города, то есть занимались пиратством. На собственном опыте они постигали смысл рокового зова: «Нельзя останавливаться на достигнутом! Богатства надо приумножать!»

Чем богаче они становились, тем больше денег могли вложить в хозяйство и тем нужнее им было сырье. Теперь уже в поисках сырья – прежде всего, меди – греческие корабли появлялись в краях, где раньше видели лишь финикийцев.

Те плавали вдоль африканского берега до Столпов Мелькарта (Гибралтара. – *А.В.*). Чтобы избежать ссор с ними, греки должны были держаться северных берегов моря – плавать севернее линии, соединяющей Кипр, Сицилию и Гибралтар. Так произошел негласный раздел Средиземного моря на зоны влияния финикийцев и греков.

Колонии греков находились в основном на европейском побережье Средиземного моря – на юге Сицилии и Италии. Когда же греки решились обустроиться и на африканском берегу, то выбрали место, которым пренебрегли их соперники. Так, около 630 года до нашей эры возникла греческая колония в Ливии – Кирена. С ее появлением финикийские города в Африке стали спланироваться вокруг Карфагена, мешая грекам основывать новые колонии на побережье Африки, например, близ Большого Лептиса (современный Триполи).

Поначалу греков устраивало такое положение. Они селились на плодородных равнинах Италии и Сицилии. Так были основаны Кумы на берегу Неаполитанского залива – крупный перевалочный пункт, где торговали этрусской медью, а также Катана (Катания), Мессана (Мессина) и, наконец, важнейшая из греческих колоний на Сицилии – Сиракузы.

Теперь греков влекла в странствия не только страсть к приключениям или жажда сказочного богатства – их гнала вперед, скорее, нужда. Долины Эллады не могли прокормить население страны. Младшие сыновья все чаще покидали отчизну. Где искать счастья, как не на чужбине? Они уезжали за море, в греческие колонии, но когда и те переполнились, колонисты стали оседать в пустынных местах. Так, на Сицилии – этой обетованной земле греков – возникли Гела, Гимера, Селинунт, Акрагант и другие поселения. Жившие на острове финикийцы с неприязнью и страхом следили за тем,

как постепенно оказываются в кольце греческих колоний. В конце концов, в руках финикийцев осталась лишь западная часть острова.

Вскоре греки стали теснить финикийцев и на море. Жители малоазийского города Фокея, – тогда их считали лучшими греческими мореходами, – начали плавать в Испанию. Местное население было радо греческим купцам, поскольку они продавали свои товары дешевле, чем финикийцы.

Еще более тяжелый удар греки нанесли финикийцам около 600 года до нашей эры, когда основали колонию Массалия (современный Марсель) на южном побережье Франции. По своему положению она напоминала Карфаген: находилась на мысе, далеко вдававшемся в море. Жители этой колонии держали под своим контролем всю долину Роны. Массалия стала важным опорным пунктом греков на пути из Испании в Грецию. Попытка помешать основанию этой колонии не удалась. Финикийцы были разбиты в морском сражении.

Им все труднее было сдерживать натиск нетерпеливых, агрессивных греков. В финикийских колониях было мало солдат. Местные жители занимались в основном торговлей. До сих пор они были настолько уверены в своем превосходстве, что не подкрепляли его военной силой. Греки поняли это быстро.

Уже в 580 году до нашей эры они впервые пытаются изгнать финикийцев из Сицилии. Некий Пентатл во главе от-

ряда кнудян и родосцев попытался занять мыс Лилибей на западной оконечности острова, неподалеку от финикийской колонии Мотия. Пентатл был убит, а греки были отброшены местными жителями – элимами, пришедшими на помощь финикийцам. Больше надеяться было не на кого! В то время Тир осаждали войска вавилонского царя Навуходоносора. Вот тогда и пробил час Карфагена.

Жители его – в отличие от других колоний – давно не рассчитывали на помощь из Финикии и создали свою армию. Теперь она была достаточно сильна, чтобы позволить карфагенянам играть в западной части Средиземного моря ту же роль, что Тир или Сидон. Разумеется, по своей численности греки превосходили карфагенян, но ни один греческий полис не мог сравниться с Карфагеном в организации государственной власти.

Во второй половине VI века правительство Карфагена стало заключать договоры со своими новыми соседями, определяя сферы влияний и границы колониальных захватов. Так, по договору с Массалией жителям этой колонии запрещалось плавать на Сардинию и Корсику; границей между карфагенянами и массалийскими греками в Иберии стал мыс Нао.

В 535 году до нашей эры карфагеняне определили свои отношения с этрусками. Последним была передана Корсика. Позднее карфагеняне вернут себе власть над Корсикой. Впрочем, они не очень дорожили этой колонией. Корсика –

гористый остров; урожаи здесь невысоки. Главное богатство острова – мед, воск и рабы, но все это можно было найти и в других частях Карфагенской державы.

К 520 году до нашей эры карфагеняне завершили «добровольное» присоединение к своей державе финикийских городов, расположенных в Африке, в частности, Большого Лептиса. Тому предшествовала долгая и тяжелая война с греками из Кирены – города могущественного и богатого. Карфаген и Кирену разделяла однообразная равнина; не было ни реки, ни горы, которые обозначили бы границу. После войны большая часть местности досталась карфагенянам.

Римский историк Саллюстий сохранил предание, рассказывающее о том, как Карфаген и Кирена поделили спорную территорию. Решено было одновременно отправить из Кирены и Карфагена послов. Где они встретятся, там проляжет граница. Однако карфагеняне намного опередили греков: последним досталась лишь треть спорной территории. Греки возмутились и обвинили карфагенян в нечестности; они согласились признать новую границу только в том случае, если карфагенские послы – два брата по имени Филены – позволят зарыть себя в землю живыми там, где желают провести границу своей страны. Впоследствии на месте их гибели были установлены жертвенники (алтари), посвященные братьям Филенам. Они и стали пограничным знаком.

Итак, около 500 года до нашей эры под властью Карфагена находится побережье Туниса, Алжира, Северного Ма-

рокко и Западной Ливии вплоть до жертвенников Филена, а в Европе – южное и восточное побережье Иберии до мыса Нао, Балеарские и Питиузские острова, Западная Сицилия и Сардиния.

Так, из клочков земли – отдельных прибрежных полосок – сшивается великая «лоскутная» империя – Карфаген. Она представляет собой обширную «экономическую и морскую конфедерацию». Такое определение ей дала французская исследовательница Мадлен Ур-Мьедан.

Власти Карфагена считали в числе своих владений всю западную область Средиземного моря. Мешая грекам торговать с Сардинией или Восточной Иберией, карфагеняне выступали в качестве посредников. По приказу властей карфагенский флот курсировал по Западному Средиземноморью и, используя опорные базы в Гадесе и Малаке, перекрывал чужим судам выход в Атлантический океан. Их безжалостно топили. На протяжении многих поколений греки знали о Геркулесовых Столпах понаслышке. Лишь в IV веке до нашей эры Массалия добилась снятия блокады. Ее корабли плавали в Северную Европу – в Британию, к Оркнейским островам и даже в Скандинавию.

Таким образом, Карфаген стал единственной из финикийских колоний, которой удалось превратиться в могучую державу и объединить вокруг себя большинство финикийских общин, искавших защиты от другого племени купцов и мореходов – греков.

Немало способствовало возвышению Карфагена и то, что он был основан беглецами из Тира, действовавшими не по приказу тирского царя, а вопреки ему. С самого начала карфагеняне держались независимо от метрополии. В то же время основательница города, Элисса, происходила из царского рода. Это увеличивало уважение других финикийских колоний к властям Карфагена. Парадоксально, но возвыситься Карфагену помогли его враги – греки. Расширение владений Карфагена стало ответом на непрерывную греческую экспансию.

Штурмом и родные города берутся

«Тьма лежит на ранних веках Карфагена», – выразительно сказал немецкий историк Х. Леншау. В самом деле, никаких письменных сообщений об этом периоде нет. Мы располагаем лишь отдельными археологическими находками.

На протяжении почти трех веков история Карфагена остается безымянной. Лишь с появлением Малха, героя и страдальца, она начинает наполняться персонажами.

Малх – первая достоверная фигура в карфагенской истории. Некоторые историки считают его карфагенским царем, хотя Юстин, рассказавший о нем, нигде не наделяет его этим титулом. По Юстину, Малх был полководцем (*dux*) и с успехом воевал в Африке. После его побед – его «великих дел» (Юстин) – карфагеняне наконец перестали выплачивать дань местным племенам. До тех пор, владея колониями за морем, карфагеняне все еще не могли безраздельно владеть собственным городом. Все изменил Малх.

Перебравшись на Сицилию, армия Малха в 560–550 годах до нашей эры завоевала юго-западную часть острова. Местные финикийские города стали подчиняться Карфагену. Так Сицилия оказалась разделена между карфагенянами и греками. Отныне остров столетиями будут раздирать междоусобные войны.

Позднее карфагенская армия переправилась на соседний

остров – Сардинию, но местное население – война с ним велась около десяти лет, в 545–535 годах до нашей эры, – во все не желало подчиняться захватчикам. Археологические данные показывают, что сопротивление Малху оказали даже финикийские города. Некоторые из них были разрушены. Кое-где рядом со старыми финикийскими городами карфагеняне основали новые: например, сардинский Карт-Хадашт рядом с финикийской Отокой (возможно, что Малх и на Сицилии воевал с местными финикийскими городами).

Так рождалась Карфагенская держава: разрозненные финикийские города объединялись не по доброй воле; их покорял могущественный «государь» – полководец, присланный карфагенским сенатом. Он навязывал «единокровным родственникам» власть Карфагена.

Однако на Сардинии армия Малха была разбита в ожесточенном бою. В Карфагене с возмущением встретили весть о неудаче. Власти решили, в пример другим, наказать неудачника, посчитав, что во всем виноваты сами солдаты и их предводитель. Отныне изгнание ждало Малха и остатки его армии. Решение властей вызвало бурю возмущения. Малх не думал подчиняться.

Он направил в Карфаген послов, в надежде добиться отмены указа. Но посольство не увенчалось успехом. Тогда изгнанники, не видя возможности вернуться на родину, решили с оружием в руках завоевать ее. Так Малх начал поход на Карфаген.

Тунисский историк Мамед Фантар предположил, что войско Малха было его личной дружиной; оно состояло из его клиентов. Архаические государства порой передавали право вести войну вождю какого-либо знатного рода, в чьем подчинении находилась дружина, насчитывавшая тысячи воинов. Очевидно, Малх был самым могущественным и влиятельным человеком в Карфагене. Число сочувствовавших ему было так велико, что после изгнания Малха их нельзя было оставлять в городе; само их присутствие было угрозой миру в Карфагене. Кстати, в Древней Греции также известны случаи изгнания знатных людей вместе с их сторонниками и собственной «армией». Такая судьба ждала Килона и Писистрата в Афинах, Демарата в Спарте.

...Малх осадил Карфаген. Подвоз продовольствия прекратился. Пока продолжалась осада, из Тира возвратился сын Малха, Карталон; будучи жрецом Мелькарта, он ездил туда с ежегодными приношениями. Говорить с отцом он отказался, пояснив, что надлежит соблюсти обряд. Лишь через несколько дней Карталон с разрешения горожан в полном жреческом облачении появился в лагере Малха. Раздраженный высокомерием сына, Малх велел распять его на кресте.

Вскоре мятежники заняли Карфаген. Созвав народное собрание, Малх казнил десять сенаторов, правивших городом. Все они выступали за изгнание Малха. После этого порядок был восстановлен. В город вернулись мир и покой.

Теперь законы в Карфагене вводил Малх. Он стал править

городом, как правили его современники – греческие тираны. Но ему не суждено было долго властвовать. Его обвинили в стремлении стать царем и распяли на кресте.

Однако Карфаген ждало новое испытание. Власть в нем захватил другой честолюбец – Магон.

Время командовать наемниками

Так победил олигарх. Вероятно, Магон усердно подстрекал чернь, добиваясь свержения ненавистного Малха. Отныне городом правила (почти царила!) семья Магона. В течение столетия, с середины VI по середину V века до нашей эры, она не выпускала власть из своих рук. Греческие авторы так и называли Магонов – «царями».

Все это время в городе проводились важные реформы. Вместо народного ополчения (кому из крестьян и ремесленников хотелось надолго покинуть родные места и уезжать за море на Сицилию или в Испанию?) появилось большое наемное войско.

Оно стало важной политической силой. Лишь с его помощью можно было совершать заморские экспедиции, завоевывать мир, к чему стремилась семья Магонов. Еще немецкий историк XIX века Теодор Моммзен связывал появление наемного войска с началом экспансионистской политики карфагенян. Похоже, война была для них «продолжением коммерции другими средствами», полемически переиначил известную максиму Жильбер-Шарль Пикар.

Имелись и другие причины военной реформы. Так, ополчение, которым командовал Малх, было разбито в Сардинии дикими племенами. Разве такое может случиться с отрядом наемников? Они лучше подготовлены; у них строже дисциплина.

плина. Кроме того, солдаты Малха взбунтовались; легко было ему подбить на это соплеменников. Если же армия будет составлена из чужеземцев, ее не увлечет какой-нибудь честолюбивый демагог и любимец народа, вроде Малха. Служившие ради платы чужие солдаты понимали только язык денег, а уж на нем с наемниками могли договориться Магон или его сыновья. Пусть народ отвыкнет от оружия, разучится им владеть; тем дольше будет править Карфагеном семья Магонидов. Ей нечего будет опасаться восстания вооруженного народа.

Вдобавок карфагенское население было слишком малочисленным, чтобы вести завоевательную политику. Без наемных солдат не удалось бы набрать армию. В отличие от Рима, опиравшегося в своей мировой экспансии на различные италийские племена и народности, постепенно слившиеся с римлянами, карфагеняне, покорив Ливию, не сумели ассимилировать или даже сделать надежными союзниками местные племена. За «просчеты» в национальной политике приходилось платить.

Впрочем, последнее рассуждение спорно: в рядах карфагенской армии всегда было очень много ливийцев. Другое дело, что население Ливии было невелико по сравнению с населением Италии. Так, по оценке немецкого историка Райнхарда Юнге, даже в канун Второй Пунической войны в африканских владениях Карфагена проживало всего около 1,35 миллиона человек. Не раз недовольство ливийцев вызы-

вали не только тяжелые подати, но и массовая мобилизация молодежи в карфагенскую армию – тем более что заслуги ливийцев всегда недооценивались. Сколько бы подвигов ни совершали ливийцы, жертвуя собой ради Карфагена, они всегда оставались для пунической знати людьми второго сорта.

Магон реформировал и управление армией. Он добился, чтобы должность полководца в Карфагене стала наследственной. Опираясь на армию, он подчинил себе Карфаген. Его сыновья и внуки – Магоныды – так же, не терпя прекословий, диктовали свою волю карфагенским властям. Греческий историк Диодор называет Магона и его сыновей «императорами», «стратегами», «гегемонами».

В первой половине V века до нашей эры семья Магона покорила большую часть Ливии. Впервые в истории под властью финикийского города-государства оказалась обширная территория площадью свыше 60 тысяч квадратных километров. Эта земля стала житницей Карфагена.

Вокруг самого города образовалась сельская область – так называемая «карфагенская хора». Она делилась на округа, во главе которых стояли особые чиновники. Каждый округ объединял несколько общин. Со временем границы хоры расширились почти до Тугги. Как сказал греческий ритор Дион Хризостом, карфагеняне превратились из тирийцев (то есть морских номад. – *А.В.*) в ливийцев (земледельцев. – *А.В.*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.